

Елена Карпина

Горлівський інститут іноземних мов
ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»
Україна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ВСЕВО- ЛОДА СОЛОВЬЁВА «ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ»

Роман Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец» (1882) является второй частью его знаменитой пенталогии «Хроника четырёх поколений». В нём прослеживаются черты исторического романа вальтер-скоттовского типа. Вполне естественно, что на страницах произведения соседствуют исторический факт и художественный вымысел. Следствием этого является наличие в нём двух групп персонажей – реальных исторических личностей и вымышленных героев.

Исходя из вышесказанного, в тексте романа можно выделить две сюжетные линии. Первая связана с событиями, имевшими место в судьбе Сергея Горбатова и его невесты, а впоследствии – жены, Татьяны Пересветовой. Вторая – с событиями, происходившими в императорской семье. Большая их часть разворачивается в 1796 году. История служит фоном для развития действия, и фон этот воссоздан романистом как нельзя более точно.

Доподлинно известно, что во время написания «Хроники...» Всеволод Сергеевич пользовался документальными источниками: «Благодаря положению отца, я имел возможность в исторических музеях и архивах видеть такие документы, каких не мог видеть

никто» [4, с. 464]. В фондах Российского государственного исторического архива имеются исключительно важные для нас сведения о том, что, создавая пенталогию, романист активно использовал материалы, опубликованные в журналах «Русская старина», «Древняя и новая Россия» и «Русский архив» [10, с. 67]. Однако вопрос о том, какие именно исторические материалы положены в основу второй части художественного цикла Соловьёва, на сегодняшний день остаётся открытым.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы выяснить, какие способы репрезентации исторической действительности использовал романист во время работы над своим произведением.

Если говорить об исторической канве романа, в центре внимания писателя оказывается несостоявшееся бракосочетание великой княжны Александры Павловны, внучки Екатерины Великой, и шведского принца (а впоследствии – короля) Густава IV Адольфа.

Сюжет о сватовстве наследника шведского престола к великой княжне не является вымыслом романиста. Этот факт действительно имел место в истории. По мнению Е. В. Никольского, источником информации для Вс. Соловьёва стал исторический труд Е. П. Карновича «Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий» [11, с. 308].

Одна из глав указанной книги историка имеет название «Палатина венгерская Александра Павловна» [8, с. 274-338]. Проведённое нами сопоставление главы и текста романа подтверждают мысль литературоведа о том, что романист опирался на основные положения труда Карновича. Однако обращает на себя внимание тот факт, что первое его издание вышло в свет в 1884 г. (второе – в 1893 г.), в то время как роман Соловьёва был напечатан в 1882 г.

Наше предположение заключается в том, что романист взял за основу не фрагмент книги историка, а его статью «Александра Павловна, палатина Венгерская», опубликованную в историческом иллюстрированном журнале «Древняя и новая Россия» в 1879 г. [7, с. 265-302]. Статья, напечатанная за пять лет до выхода в свет

книги, судя по всему, была впоследствии расширена и дополнена Е. П. Карновичем и стала одним из её разделов. В пользу нашей версии говорит не только текстуальное сходство трудов историка, но и найденные С. М. Ляпиной сведения о том, что романист опирался на материалы, напечатанные в указанном журнале.

Важность первоисточников для жанра исторического романа является несомненной. Приведём показательное в этом отношении высказывание О. Лагашинной: «Исторический роман представляет собой пример жанра, который не может существовать без претекста. Специфика его такова, что автор изначально несвободен в своем творчестве, т. к. его вымысел ограничен требованием исторической правдоподобности. Обращение исторического романиста к источникам (мемуарам, дневникам, письмам, документам, художественным произведениям, фольклорным текстам) неизбежно, следовательно, первоисточник в том или ином виде всегда представлен в тексте» [9, с. 72].

Переписка членов императорской семьи, опубликованная в журнале «Русская старина» (1874 г., Т. IX), стала, как нам удалось установить, одним из документальных источников романа. Вс. Соловьёв включил в текст второй части своей хроники немалое количество писем, адресованных Павлу Петровичу Марией Фёдоровной, записок великой княгини Екатерине II и соответствующих им ответов императрицы, а также письма герцога Карла, регента короля, Павлу и его супруге.

Сопоставление оригинальных писем, приведённых в документальном источнике, с текстом романа свидетельствует о том, что они представлены практически в первоизданном виде. Стилистические и пунктуационные отличия сведены к минимуму. Для иллюстрации нашего наблюдения приведём текст записки императрицы, адресованной великой княгине, в которой Екатерина Великая уговаривает Марию Фёдоровну не печалиться из-за неудавшейся помолвки и присутствовать на балу.

Оригинал записки: «О чем вы плачете? Что отложено, то не потеряно. Вымойте ваши глаза и уши льдом, примите бестужевских капель. Никакого разрыва нет. Я была больна третьего дня. Вам

досадно на замедление, вот и все. Ваша дочь из-за этого нездорова, впрочем, ваш супруг передаст вам, что я ему писала» [5, с. 487].

Записка, приведённая в романе: «О чем вы плачете? Что отложено, то *еще* не потеряно. *Вытрите* ваши глаза и уши льдом, примите бестужевских капель... Никакого разрыва нет... Я *вчера* была больна – *и только*. *Вы досадуете* на замедление, вот и все. Из-за этого ваша дочь *больна*; а впрочем, ваш супруг передаст вам, что я ему писала» (курсив мой – Е. К.) [13, с. 204-205].

В романе «Вольтерьянец» нашли отражение факты биографии реальных исторических лиц, что в очередной раз свидетельствует о глубоких познаниях Соловьёва в области не только российской, но и европейской истории. Так, например, в главе «Иные интересы» вскользь сообщается о том, что король Швеции Густав III (отец Густава IV Адольфа и старший брат Карла XIII) «умер, смертельно раненный во время маскарада» [13, с. 97]. Из истории Швеции мы узнаём о том, что «16 марта 1792 г. на маскараде в опере король был смертельно ранен выстрелом из пистолета» [6, с. 318]. Как видно, обстоятельства, вследствие которых Густав IV сменил на шведском троне своего отца, не являются вымыслом романиста.

Значимые события из жизни российских монархов воспроизведены во второй части «Хроники...» более детально. В высшей степени подробно описаны последние часы жизни Екатерины Великой. Совершенно очевидно, что три главы романа – «Обед на мельнице», «Что значил сон» и «Свершилось» – основаны на воспоминаниях графа Ф. В. Ростопчина «Последний день жизни императрицы Екатерины II-й и первый день царствования императора Павла I-го», изложенных в письме к графу С. Р. Воронцову [12, с. 158-174]. Тот факт, что у Вс. Соловьёва была возможность ознакомиться с документами из архива графов (с 1845 г. князей) Воронцовых, не вызывает сомнения. Свидетельства очевидца событий 5-6 ноября 1796 г., опубликованные в 1876 г., по нашему убеждению, были основательно изучены романистом.

Приведём несколько примеров, подтверждающих нашу точку зрения. Вот как описано предпоследнее в жизни императрицы утро в мемуарах Ростопчина: «5-го числа Мария Савишна Перекусихина, вошедши по обыкновению, в 7 часов утра, к Императрице, для

80

пробуждения ее, спросила, каково она почивала, и получила в ответ, что давно такой приятной ночи не проводила, и за сим Государыня, встав с постели, оделась, пила кофе и, побыв несколько минут в кабинете, пошла в гардероб <...> она слишком полчаса не выходила из гардероба, и камердинер Тюльпин, вообразив, что она пошла гулять в Эрмитаж, сказал о сем Зотову <...> этот <...> пришел в беспокойство и <...> решился идти в гардероб <...> Отворя дверь, он нашел Императрицу лежащую на полу, но не целым телом, потому что место было узко и дверь затворена, а от этого она не могла упасть на землю. <...> Он призвал к себе на помощь камердинеров, но они долго не могли поднять тела по причине тяжести и от того, что одна нога подвернулась. Наконец, употребля еще несколько человек из комнатных, они с великим трудом перенесли Императрицу в спальную комнату, но, не в состоянии будучи поднять тело на кровать, положили на полу, на сафьянном матрасе» [12, с. 159].

В романе подробности страшного утра изложены в рассказе графа Николая Зубова, брата последнего фаворита императрицы, который прибыл в Гатчину с печальным известием для Павла Петровича. Вот что он поведал цесаревичу: «<...> нынче утром в семь часов Марья Саввишна вошла к ее величеству, спросила, каково она почивала, государыня изволила ответить, что давно не проводила такой приятной ночи <...> Затем государыня, встав с постели, оделась, выпила кофе, прошла в кабинет, затем <...> Вышла в гардероб и более получаса не выходила оттуда... так полагали, что она изволила пойти погулять по Эрмитажу... Между тем, встревожились <...> камердинер Зотов, видя, что происходит что-то неладное, решился отворить дверь гардероба. <...> отворить ее почти не было возможности – мешало что-то. Это что-то было тело императрицы, лежавшее на полу в самом неудобном положении. Место было узкое, дверь затворена, она не могла упасть на пол и почти сидела с закинувшейся головой, с подвернутой ногой. Пришлось позвать несколько человек камердинеров, которые с большим усилием подняли императрицу и перенесли ее в спальню: но она так была тяжела, что не могли ее поднять на кровать и уложили на полу на сафьянном матрасе <...>» [13, с. 287-288].

Интересно, что накануне ночью цесаревич и великая княгиня видели одинаковый сон, предвещающий значительную перемену в судьбе империи. Пересказывали они его своим друзьям во время обеда на гатчинской мельнице. В заметке Ростопчина об этом сказано следующее: «Наследник чувствовал во сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносила его к небу. Он часто от этого просыпался, потом засыпал и опять был разбужаем повторением того же самого сновидения; наконец, приметив, что великая княгиня не почивала, сообщил ей о своем сновидении и узнал, к их взаимному удивлению, что и она то же самое видела во сне и тем же самым несколько раз была разбужена» [12, 160].

В романе Соловьёва также присутствует рассказ Павла о загадочном сновидении: «Да, собственно, это и не сон, а какое-то странное ощущение, мне казалось, что вдруг будто меня разбудили и какая-то неведомая сила подхватила меня и понесла все выше и выше. Кругом будто сиянье, лазурь небесная, звезды со всех сторон яркие <...> Я проснулся, <...> потом снова заснул, и опять тот же сон, то же ощущение, опять неведомая сила подхватывает меня, поднимает, и опять бесконечное небесное пространство и, поверите ли мне, так было всю ночь. Несколько раз я просыпался, засыпал и опять видел то же самое. Не правда ли, странно?» [13, с. 284]. Удивлённая Мария Фёдоровна отвечает на это супругу: «Друг мой, вы изумитесь еще больше, когда узнаете, что я испытала то же самое. Я ничего не могу прибавить к словам вашим, мне придется только повторить их» [13, с. 284].

Текстуальное сходство вышеприведённых фрагментов более чем очевидно. Достоверные факты, ставшие основой изображения, были художественно переработаны Соловьёвым. Незначительная трансформация первоисточника романистом вполне допустима, поскольку не влечёт за собой его искажения и домысливания фактов, имевших место в истории.

В биографическом очерке, посвящённом писателю, П. В. Быков отмечает «огромное умение Всеволода Соловьёва выбирать из отечественной истории наиболее интересные эпизоды, будь это даже какая-нибудь “анекдотическая быль”» [2, с. 49]. Действительно, для реконструкции исторической эпохи, воссоздаваемой во второй

части пенталогии, романист вводит в художественную ткань повествования исторические анекдоты. Связаны они, главным образом, с личностью Павла Петровича.

Исторический анекдот способен «в нескольких словах через живописный, яркий штрих передать дух эпохи» [1, с. 25]. Приведём наиболее показательный в этом смысле пример из главы «Мелочи». В ней воссоздан весьма интересный эпизод из жизни российского самодержца.

«Подъехав ко дворцу и остановившись на крыльце, он обратил внимание на такую странность: едет вдаль карета, вдруг несколько полицейских солдат кидаются к ней, кричат что-то кучеру, заставляют его остановиться, хватают лошадей под уздцы. Кучер, перепуганный, очевидно, ничего не понимающий, останавливается, солдаты карабкаются на козлы, снимают с него шапку, грозят ему. Наконец, экипаж трогается: кучер без шапки.

Государь подозвал караульного офицера.

– Что это значит? – спросил он. – Ты видел?

– Точно так, ваше величество. Кучер при въезде на дворцовую площадь не снял шапки, и полицейские должны были заставить его это сделать *в силу приказа вашего императорского величества* (курсив мой – Е. К.).

– Что за вздор! Когда я отдавал такой приказ? – крикнул Павел Петрович, весь багровея. <...>

– Не могу знать, ваше императорское величество! <...> Мне известно только, что вышел такой наказ от господина Архарова, и я полагал, что *такова воля вашего величества* (курсив мой – Е. К.).

– Напрасно полагал. <...> Слышишь, беги и объяви этим полицейским мой приказ, чтобы кучера не снимали шапок, проезжая по дворцовой площади.

<...> государь вошел во дворец раздосадованный.

Но на следующий день ему пришлось досадовать еще больше. Он случайно подошел к окну, выходившему на площадь, и увидел такую сцену: едет карета, кучер еще издали, забирая вожжи в одну руку, с трудом снимает с себя зимнюю нахлобученную шапку: вдруг

полицейские останавливают карету, накидываются на кучера. Тот, очевидно, объясняет им что-то, но вот один из полицейских ударил его, другой схватил шапку и силою надел на него. Оказалось, что приказ не в меру усердного Архарова был известен уже во всем городе! Кучерам строго-настрого было наказано снимать шапки, едва они издали увидят Зимний дворец – теперь нужно было заставлять их надевать шапки. И подобные сцены продолжались в течение нескольких дней» [13, с. 425-426].

Вполне вероятно, что малоизвестный эпизод из жизни императора Соловьёв узнал из книги известного русского журналиста и писателя Н. И. Греча «Записки о моей жизни». Мемуары Греча, содержащие обширный литературно-исторический материал, печатались отрывками в исторических журналах 60-х и 70-х годов, а значит, были доступны романисту. Полностью они были изданы лишь в 1886 г. (через девятнадцать лет после смерти автора).

В «Записках...» сообщается следующее: «Однажды император, стоя у окна, увидел идущего мимо Зимнего дворца пьяного мужика и сказал, без всякого умысла или приказания: “Вот идет мимо царского дома и шапки не ломает!” Лишь только узнали об этом замечании государя, последовало приказание: всем едущим и идущим мимо дворца снимать шапки. Пока государь жил в Зимнем дворце, должно было снимать шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц. Ни мороз, ни дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку в зубы. Переехав в Михайловский замок, т. е. незадолго до своей кончины, Павел заметил, что все идущие мимо дворца снимают шляпы, и спросил о причине такой учтивости. “По высочайшему вашего величества повелению” (курсив мой – Е. К.), – отвечали ему. “Никогда я этого не приказывал!” – вскричал он с гневом и приказал отменить новый обычай. Это было так же трудно, как и ввести его. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительнейше просили прохожих не снимать шляп, а простой народ били за это выражение верноподданнического почтения» [3, с. 147-148]. Сказано в мемуарах Н. И. Греча и о том, что истинным автором приказов, исходивших якобы от императора, был не кто

84

иной, как петербургский генерал-губернатор Николай Петрович Архаров.

Явного текстуального сходства в вышеприведённых отрывках нет, однако заимствование сюжета налицо. Описанный в романе случай не является плодом воображения писателя, однако воссоздан более подробно и красочно, чем в первоисточнике. В роман «Вольтерьянец» он вводится с целью подчеркнуть такую особенность павловской эпохи, как непонимание императора со стороны верноподданных и превратное толкование его желаний.

Существенную роль в воссоздании исторической действительности играют события литературной жизни эпохи. Поскольку для реконструкции истории Соловьёв обращается к литературе, правомерно говорить о наличии в романе «Вольтерьянец» черт т. н. «квазиисторического» повествования (термин А. Ю. Сорочана).

Одним из действующих лиц романа является «певец Фелицы», Г. Р. Державин. Даты создания его поэтических произведений частично помогают «восстановить» хронологию событий.

В самом начале романа Платон Зубов, мечтающий о будущей славе, которая его обессмертит, вспоминает посвящённые ему строки поэта. Примечательно, что IV глава романа, содержащая процитированный им отрывок, названа автором «Дней граждан золотых». Фрагмент является заключительной строфой стихотворения Г. Р. Державина «К лире», написанного ко дню именин П. А. Зубова в 1794 году [14, с. 598-603], т. е. двумя годами раньше описываемых событий.

Во время встречи с поэтом во второй приёмной светлейший князь обращается к поэту с такими словами: «А, Гаврила Романыч! <...> жалобы все на вас, государыня опять говорила: “с Державиным сладу нету!” <...> Да, господин поэт, это нехорошо!» [13, с. 55]. Можно предположить, что в словах Зубова содержится намёк на стихотворение «Властителям и судиям» (1780), в котором автор призывает всевышнего покарать «царей земли». Как известно, последняя редакция стихотворения относится к 1795 году.

Далее князь говорит поэту: «Извольте-ка успокоиться и собраться с духом, мы ждём вашего вдохновения и рассчитываем

на прекрасную оду в честь радостного события, которое должно совершиться» [13, с. 55]. В следующей главе автор проясняет не совсем понятные, на первый взгляд, слова Зубова и называет событие, воспеть которое «приготовлялась лира Державина» [13, с. 62] – бракосочетание княжны Александры и Густава. Этой «прекрасной одой» стала «Победа красоты» [14, с. 753-757], датированная 1796 годом.

Таким образом, основными способами репрезентации исторической действительности в романе «Вольтерьянец» являются: введение в него творчески переработанных документальных источников (переписки, исторических анекдотов); воспроизведение фактов биографии реальных исторических лиц; наличие черт т. н. «квазиисторического» повествования.

Перспективы наших дальнейших исследований связаны с изучением особенностей репрезентации исторической действительности в следующих частях пенталогии – романах «Старый дом», «Изгнанник» и «Последние Горбатовы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова Н. А. Литературный анекдот в русской прозе и периодике первой трети XIX в. : Монография / Н. А. Белова. – Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2008. – 231 с.
2. Быков П. В. Всеволод Сергеевич Соловьёв. Его жизнь и творчество (очерк) / П.В. Быков // Полное собрание сочинений Всеволода Соловьёва: В 42 т. Т. 1: Княжна Острожская. – Пг.: Типография П. П. Сойкина, 1917. – С. 3-62.
3. Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – М.; Л. : АCADEMIA, 1930. – 896 с.
4. Измайлов А. А. Литературный олимп / А. А. Измайлов. – М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 472 с.
5. Императрица – великой княгине, 11 сентября 1796 г. // Русская старина. – СПб., 1874. – Т. IX. – Вып. 1-4. – С. 487.
6. История Швеции / [отв. ред. А. С. Кан]. – М. : Наука, 1974. – 720 с.
7. Карнович Е. П. Александра Павловна, палатина Венгерская / Е. П. Карнович // Древняя и новая Россия. – СПб., 1879. – № 4. – С. 265-302.

8. Карнович Е. П. Палатина венгерская Александра Павловна / Е. П. Карнович // Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий / Е. П. Карнович. – 2-е изд. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1893. – С. 274-338.
9. Лагашина О. Историсофский роман Д. Мережковского и М. Алданова: дис. ... magister artium (рус. лит.) / Лагашина Олеся. – Тарту, 2004. – 109 с.
10. Ляпина С. М. Роман Вс. Соловьёва «Царь-девица» в контексте авторского и национального мирообраза: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ляпина Светлана Митрофановна. – Елец, 2014. – 191 с.
11. Никольский Е. В. Проза Всеволода Соловьёва: проблемы творческой эволюции: дис. ... доктора филол. наук : 10.01.01 / Никольский Евгений Владимирович. – Тверь, 2014. – 547 с.
12. Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II-й и первый день царствования императора Павла I-го / Ф. В. Ростопчин // Архив князя Воронцова. – Кн. VIII. – М., 1876. – С. 158-174.
13. Соловьёв Вс. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4: Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец: Исторический роман / Вс. Соловьёв. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. – 448 с.
14. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота : В 9 т. Т. 1: Стихотворения. Часть I (1770-1796 гг.). – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864. – 812 с.

Аннотация

Е. С. Карпина: Репрезентация исторической действительности в романе Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец»

Статья посвящена исследованию специфики воссоздания исторической эпохи в романе Всеволода Соловьёва «Вольтерьянец». Автором выделены основные способы репрезентации исторической действительности в произведении: введение в него творчески переработанных документальных источников (переписки членов императорской семьи, исторических анекдотов о Павле I); воспроизведение фактов биографии реальных исторических лиц (Екатерины II, Павла I, Александры Павловны, Густава III, Густава IV); наличие черт т. н. «квазиисторического» повествования.

Ключевые слова: репрезентация, историческая действительность, пенталогия, исторический роман, документальный источник, художественный вымысел, исторический анекдот, «квазиисторическое» повествование.

Анотація

О. С. Карпіна: Репрезентація історичної дійсності в романі Всеволода Соловйова «Вольтер'янець»

Статтю присвячено дослідженню специфіки відтворення історичної епохи в романі Всеволода Соловйова «Вольтер'янець». Автором виділено основні способи репрезентації історичної дійсності у творі: введення в нього творчо перероблених документальних джерел (листування членів імператорської родини, історичних анекдотів про Павла I); відтворення фактів біографії реальних історичних осіб (Катерини II, Павла I, Олександри Павлівни, Густава III, Густава IV); наявність рис т. зв. «квазіісторичного» оповідання.

Ключові слова: репрезентація, історична дійсність, пенталогія, історичний роман, документальне джерело, художня вигадка, історичний анекдот, «квазіісторичне» оповідання.

Summary

E. S. Karpina: Representation of the historical reality in Vsevolod Solovyov's novel "The Voltairian"

The article is dedicated to the investigation of the historical epoch recreation specificity in Vsevolod Solovyov's novel "The Voltairian". The author has singled out the main ways of representing the historical reality in the work: introduction of creatively transformed documentary sources (the imperial family members' correspondence, historical anecdotes about Pavel I) into it; reproduction of the real historical persons' (Catherine II, Pavel I, Alexandra Pavlovna, Gustav III, Gustav IV) biographical facts; presence of traits of the so-called "quasihistorical" narrative.

Key words: representation, historical reality, pentalogy, historical novel, documentary source, artistic invention, historical anecdote, "quasihistorical" narrative.